

А. И. Косарев*

РАЗВИТИЕ И СТАБИЛЬНОСТЬ – ВЕДУЩЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Рассматривается основополагающее значение согласования, соподчинение стабильности и развития в жизни общества, государства и права.

Ключевые слова: стабильность, развитие, соподчинение, взаимопонимание

The article deals with the fundamental meanings of coordination, subordination of stability and development for society, state and law.

Key words: stability, development, subordination, mutual understanding

Общие положения

Стабильность и развитие как исходные начала материи и духа внутренне присущи обществу, государству и праву. Стабильность, как и прогресс, имеет великий смысл, свои формы и меру, средства достижения единства в гармонии бытия.

Со времени появления человечество неизменно стремится к развитию и стабильности. Их соотношением, по выражению Огюста Конта, достигается «динамическая устойчивость», которой и определяется истинный путь каждого народа и всего человечества. У нас принято говорить о необходимости стабильного развития, что, безусловно, верно, но выражает лишь одну сторону бытия. Существует убежденность, что «человечество погубит устойчивый экономический рост». (Наблюдая блистательные успехи прогресса, можно воскликнуть: «Остановись, мгновенье! Ты разорительно!» Но может ли государство что-нибудь исправить... или исправлять?)

В последнее время восхищение беспредельными успехами прогресса сменяется все обостряющейся потребностью в стабильности жизни, сохранении природы, прежде всего природы человека и народов. В процессе глобализации противоречие стабильности и развития приобрело особое значение, борьба цивилизаций есть внешнее его проявление. В нашем обществе данные противоречия четко представлены разногласиями правых и левых, западников и славянофилов. В «единстве и борьбе противоположностей» единство выступает целью, а борьба – средством. Если борьба противоположностей – исток развития, то совмещение противоположностей и их взаимная дополняемость создают устойчивость, стабильность. В развитии и стабильности рождается единство.

Каждое общественное явление содержит противоположные начала. В противостоянии стабильности и развития становится заметно, что противоположности могут не только сталкиваться, но и переплетаться, накладываться друг на друга, согласовываться, менять свое значение. «Черно-белое» видение мира с признанием ценности чего-то одного уходит в прошлое, многообразие главенствует. Также в истории государства и права наблюдается не только столкновение стабильности и развития, но и совмещение их.

Народы, как и государство и право, не могут существовать, если не обеспечиваются их фундаментальные качества: устойчивость и развитие. Конформизм как проявление здоровой психики присущ всем, именно он служит закреплению принятых в обществе идей, ценностей и норм. Без конформизма нет общественного порядка, стабильности и существования народа. Но длительное состояние покоя и комфорта губительно, оно приводит к краху. Нонконформизм признается двигателем прогресса, имеет оттенок

* Косарев Андрей Иванович – доктор юридических наук, профессор Современной гуманитарной академии (Москва). E-mail: miepvld@rambler.ru.

параноидальности. Оба эти качества – неотъемлемые основания и составляющие общества, государства и права.

Творческая сила народа, его коллективный разум и воля к жизни, если они не искажены и не разрушены, способны обеспечить стабильность в обществе и его движение по пути к достижению своего предназначения. Социально-классовые отношения отражают противоречие развития и стабильности опосредованно, через различие интересов верхов общества, стремящихся к ускоренному развитию, уплотнению вещества материи, и массы населения, тяготеющего к стабильности. В СССР желание достичь справедливости для трудящихся обернулось поражением социалистической идеи не по причине ее порочности, но в силу абсолютизации и гипертрофии одной стороны противоречия.

Развитие и стабильность не только противоположны, но и взаимосвязаны, не дают основания для полного отрицания чего-то одного, предполагая комплексы обособленных специальных мер для реализации каждого ради сохранения целого, например через создание здоровых рыночных отношений, укрепление в народе базовых ценностей, действенность социального законодательства. Стабильность приобретается развитием, развитие обеспечивается стабильностью. Стабильность со здоровым консерватизмом не только тормозит бездумную модернизацию, но и охраняет жизненность. Отдельно развитие и стабильность – лишь моментны. Абсолютизация одного поражает обоих, вместе они дают качество жизни.

Стабильность и развитие как объективно данные воплощаются в субъективном ощущении людьми и народами своего долга и предназначения. Долг человечества разделен между народами сообразно их индивидуальности. Только так решается многообразие всеобъемлющих задач, стоящих перед человечеством. В более или менее обнаженном виде предназначение народов утверждается заповедями и канонами мировых религий, но и без того ощущается как добро и зло, как должное и недолжное. По большей части долг и предназначение человечества облекаются в потребность справедливости, познания, свободного творчества, представлены в любви, радости приближения к прекрасному, близости к природе, продолжении себя в будущих поколениях.

Встречаясь в разных сочетаниях, стабильность (нечто прочное, консервативное) и развитие (подвижное, инициативное, прогрессистское) дают то или иное конкретное состояние народа и его государственности. Здесь-то во многом и раскрывается различие Востока и Запада. Наиболее обобщенно их противоречия проявляются в столкновении стран «золотого миллиарда» и развивающихся стран, что ярко представлено войнами США во Вьетнаме, Афганистане, Ираке или Израиля с арабским миром.

Истории хорошо известны случаи, когда в результате войн и революций резко прерывалось развитие, разрушалась стабильность, отрицался опыт прошлого и искажалась вся линия поступательного движения общества, его культуры, государственности, права. В современном мире глобализация с резкими изменениями в состоянии народов или духовный кризис, порожденный старением одних народов и цивилизаций, надломом других, грозит нарушить равновесие стабильности и развития.

В мировом масштабе залогом поддержания мира со стабильностью и прогрессом может быть диалог цивилизаций о долженствовании человека и народов в мироздании, ценностях жизни и соответствующих им формах государства, права.

Цивилизационные модели Востока и Запада

Географически Восток и Запад – понятия весьма расплывчатые. В науке данные термины употребляются для различения эволюционных процессов – типов эволюции, прежде всего в странах Азии и Европы. Признавая различия Востока и Запада, крупный исследователь культуры Индии Л. Б. Алаев пришел к убеждению, что в этой стране «тысячелетиями сохранявшийся континуитет – этнический, социальный, культурный –

резко противостоит взрывному и разрушительному способу исторического развития, свойственному не только Западу, но даже Ближнему Востоку»¹.

Западное нередко противопоставляется восточному. Запад и Восток, различия которых видятся в особом образе жизни, структуре сознания, мировоззрении, считаются двумя половинами мира с присущими им разными идеологиями и системами ценностей, с разными представлениями о человеке и его миссии. Запад – рациональный, Восток – интуитивный типы сознания.

Различия типов эволюции в биологии характеризуются понятиями *ароморфоз* (ускоренное развитие с повышением уровня жизнедеятельности) и *идеоадаптация* (частичные приспособления без подъема на более высокий уровень). Возникает вопрос: в какой мере допустима аналогия развития народа (и его государственности) с эволюцией живого в биологии, где одни организмы ускоренно проходят жизненный цикл и вскоре исчезают, другие же, почти не изменяясь, существуют неизмеримо дольше, где разнovidностью эволюции может быть совершенствование отдельных особей или целых сообществ?

Различия Востока и Запада не раз отмечались в литературе: «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им никогда не соединиться» (Р. Киплинг). Действительно, цивилизации Индии и Китая сохраняют черты социальной и культурной неповторимости до наших дней. Их самобытность есть и будет существовать вопреки всей силе интеграционных процессов современного мира. То же самое можно сказать и о России.

Государство и право восточных стран, в частности Японии, отражают характерную особенность культуры Востока – идею органического единства всего живого и неживого, прошлого и настоящего, сущности и внешнего проявления. «Не сотвори, но открой», не диктат своеволия, но лишь выявление в материале заложенных в нем логики и красоты. На Востоке живут базисные народы. Цель и смысл своего существования они видят в сохранении обычаев, приемов труда, традиций, не нарушающих их единство с природой.

В истории различия Востока и Запада проявляются в следующих их чертах.

На Востоке в этническом складе народов, их менталитете подчеркнута женское, а с тем и большая религиозность, духовность, сосредоточенность на смысле бытия. Для истории стран Востока характерна длительная приверженность коллективистским, общинным и «соборным» началам общежития. Обычаи и традиции делают общественно-государственные устои более прочными, но и сковывают инициативу, самостоятельность, свободу личности, что определяет «застойный» характер развития с отсутствием органически целостных вторых фаз. Здесь мы имеем преобладание монархических форм власти при широком участии государства в делах общества. В Новейшей истории преимущество восточной культуры перед западной, подошедшей, как утверждают, к своему закату, видится в таких качествах народов Востока, как дисциплина, авторитет власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, вера в иерархию, стремление избежать конфронтации, забота о «спасении лица», равно как предпочтение благожелательного авторитаризма над западной демократией. На Востоке чувство долга возвышается над правами и свободами.

Иной путь прослеживается на Западе. В странах западных цивилизаций традиционное общество сменяется ускоренным развитием с совершенствованием и усложнением общественных отношений. На этой основе устанавливается республиканская форма правления, достигаются вершины культуры. Затем следуют увядание, разложение и исход (Древняя Греция, Древний Рим). Современное мировосприятие западного населения характеризуется «верой в свободу, равенство и демократию». Инстинкт долга уступает стремлению к беспредельной свободе. (*Вместе с тем на Западе наблюдается рост мистицизма, наркомании, преступности, утверждается «культура битлов»*).

Если восточное отождествляется с длительным сохранением глубинных основ человеческого общежития, предрассудков, отчасти проявлений варварства, через которые, однако, бьет жизненная сила, то западное обнаруживается в высших свершениях. Западное привлекает подвижностью на основе рационального, достижением высот культуры, свободы личности, республиканской формой правления, изобилием материальных благ, военным могуществом, но в нем разрастается зыбкость жизненного порядка. Постигание глубинных тайн природы и технологий сочетается с ослаблением общественных связей, проявлениями болезненности. Еще С. Кьеркегор и Ф. М. Достоевский обращали внимание на обратную сторону эмансипации личности: одиночество, своеволие, отчуждение. Вещи стали мерой людей. Радикальный индивидуализм на Западе, ведущий к разобщенности людей, осуждается и Папой Римским².

Другой взгляд на природу различий Востока и Запада исходит из принципа единства исторического процесса: все народы и их государственно-правовые системы проходят одни и те же стадии роста, но на Востоке мы имеем их протяженность во времени и невыраженность этапов развития при колоссальной устойчивости в сознании и быту иконных обычаев и традиций.

Различия национального характера, менталитета народов Востока и Запада, подчас утрированно определяемые как генетическая несовместимость (Западу будто бы принадлежит одно, а Востоку – совсем другое), на самом деле не абсолютны. Еще Гегель отмечал, что «Восток и Запад есть в каждой вещи». Необоснованным преувеличением одной стороны сравнения и политической заданностью можно объяснить высказывание западно-украинского националиста: «Россия и Европа – вещи несовместимые, взаимоисключающие. Европа заканчивается там, где начинается русский язык, менталитет, культура». Абсолютизация различий Востока и Запада, противопоставление в русской душе частного интереса и нравственного идеала, личной выгоды и своего предназначения выражают стремление определенных сил обосновать «марш, возвращающий нас в нормальную, европейскую колею».

Различия Востока и Запада во многом есть различия прогрессистских и консервативных начал развития, одно без другого немислимо, но и разное их соотношение для каждого времени и народа вполне реально. Особенности государства и права на Востоке и Западе проявляются различными темпами развития и разновременностью прохождения стадий своего роста с достижением высших успехов, падениями и возрождением. Восприятие различий духа Востока и плоти Запада в современном мире приобретает подчас весьма резкие очертания. Так, в 1995 г. Президент КНР Чжао Цзяян отмечал, что «враждебные силы Запада ни на момент не оставили свои планы вестернизировать и разделить нашу страну».

На Востоке время течет медленнее. Замедленный характер развития, особая прочность традиционных общественных отношений, возможно, и позволяют рассматривать Восток как резерв жизненной силы человечества. В прошлом варвары с Востока принесли Западной Европе обновление, но и в наше время Запад поддерживает свои силы регламентируемой миграцией с Востока.

Акцент на различиях Востока и Запада противоречит пониманию мира как однородной целостности. Следует, однако, обратить внимание на то, что выделенные особенности Востока более заметны по прошлой истории, а в современном мире интеграционные процессы глобализации ведут не только к обостренному восприятию различий, но и к утверждению некоторых общих идеологических установок, универсальных форм (и в сфере государства, права), а также ускорению темпов, сокращению всего цикла развития.

Принципиально важно подчеркнуть взаимодополняемость Востока и Запада, традиционного и подвижного, интуитивного и рационального, женского и мужского, как правого и левого полушарий головного мозга. Устрани одно, не будет и другого. Восток

и Запад как мужчины и женщины решают альтернативные задачи эволюции: изменения (мужской пол) и сохранения (женский пол).

Различия Востока и Запада по познавательному значению, как нам представляется, могут стоять не ниже типов (в марксистской концепции) или, например, семей правовых систем. Не только формы и функции, но и темпы движения, пределы действия с особенностями в целях и задачах, методах и средствах реализации потенциала государственности лежат в основе их различий и образуемых ими западной и восточной моделей развития.

Выделение типичных черт восточной и западной моделей общества, государства и права может быть дополнено или в чем-то изменено. Вместе с тем каждое отдельное общественно-государственное образование лишь отчасти и в разнообразных вариантах выражает типичное, закономерное. Закономерное дополняется многообразием судеб стран и народов.

Развитие и стабильность римского и мусульманского права

На Востоке и Западе, в истории мусульманского и римского права, стабильность и развитие, имея общее, получили различные проявления.

Их различия значительны и в то же время относительно; стабильность и развитие — полюса, между которыми расположены реальные правовые состояния. Право Арабского халифата и право Древнего Рима, выражая своеобразие духовного мира своих народов, дают пример как стабильного, прочного, так и высокоинтенсивного развития, его разного сочетания на Востоке и Западе. Мусульманское право — выделяющийся образец стабильности при одновременном проявлении развития. Римское право, демонстрируя высокоинтенсивный характер движения к высшему, дает и яркий образец уважительного отношения к стабильности, своему опыту и опыту других народов.

Общее и особенное в стабильности и развитии мусульманского и римского права неодинаково проявлялись на разных этапах их истории.

Общее более заметно на ранних этапах. В мусульманском праве Арабского халифата, как и в римском квинтитском, цивильном праве, представлена тесная связь права с религией. Под сильным давлением религии в мусульманском и римском праве долго сохранялись черты раннего правового состояния, они постепенно подвергались изменениям. Нормы мусульманского и римского права рассматривались как проявление божественного, исходно природного порядка, которому подчиняется все в мире. Религия органично вплеталась в ткань правовой материи.

На следующих этапах соотношение стабильности и развития в мусульманском и римском праве различно. Вся система римского права со временем подверглась коренным преобразованиям.

Консерватизм, замкнутость, ригоризм римского права стали вытесняться его гибкостью, пластичностью, способностью вкладывать в старую правовую форму новое содержание. Римское частное право обновлялось во многом с помощью расширительного толкования, посредством фикций. Новая правовая норма сначала выступала как уточнение, конкретизация старой, считалась лишь практикой ее применения, но затем облекалась в «тогу» традиции, ей придавалось значение прецедента, наконец она становилась признанной правовой нормой. Если в процессе применения такой нормы оказывалось, что она в чем-то не соответствует требованиям регулируемых отношений, то она подвергалась изменениям, теряла значение или переставала действовать³. Право, таким образом, проходило проверку на соответствие жизненным интересам и потребностям.

В качестве примера преобразования права можно назвать возникновение преторской собственности. Так, приобретение ряда наиболее важных имущественных объектов по квинтитскому праву требовало соблюдения сложного обряда манципации. Но претор, выражая условия развитого торгового оборота, защищал права приобретателя

и тогда, когда форма манципации не соблюдалась. Такое приобретение формально не считалось собственностью, но защищалось претором как действительная собственность.

Новые принципы, подходы, конкретные решения юристы Рима предпочитали обосновывать авторитетом устоявшегося, проверенного временем, мнением юристов прошлых поколений. Национально-этнические, самобытные формы права наполнялись новым содержанием. Преобразованием экзотических форм прошлого через добавление рационального в новое содержание достигалась универсальность права, позже позволившая ему стать всемирным правом. Римские юристы широко использовали метод частичных, постепенных изменений в праве. Отчасти поэтому его развитие шло ровно, без особых скачков, путем «осторожных пристроек к старому зданию... Как полипы создают коралловые острова, так и римские юристы путем бесконечных наслоений создавали перешедшее в века здание римского частного права»⁴.

Консервативное начало в римском праве выходило за рамки тактического средства и определялось как некая стратегическая цель. Выделение в Своде законов императора Юстиниана пятидесяти книг – Дигест – с выдержками из сочинений римских юристов прошлых эпох может быть объяснено прежде всего тем, что стабильность права признавалась одним из важнейших оснований его эффективности.

Не только право как выражение наиболее общих, коренных интересов общества почиталось в Риме высшей ценностью; почетом, особым уважением пользовались и юристы. История донесла до нас память о выдающихся римских юристах: Павле, Ульпиане, Модестине, Гае, Папиниане. Уважение к римским юристам переносилось и на право, делая его более эффективным в регулировании общественных отношений.

Интенсивно развивавшаяся греко-римская цивилизация, западная по своему типу, достигла высшего расцвета, подошла к увяданию и рухнула по причине старения общества и под напором внешних сил. Лишь много позже в иной цивилизационной общности в ходе рецепции римское право обрело вторую жизнь.

Иначе складывалась история мусульманского права Арабского халифата. Прочные устои общества восточного типа, «застойный» характер развития, особое отношение к религии и свободе воли не были подорваны падением Арабского халифата. Право и строй жизни мусульманских народов, претерпев изменения, сохранили многие черты прошлой эпохи.

В XXI в. религиозные нормы и принципы шариата продолжают сохранять позиции в регулировании общественных отношений у народов, исповедующих ислам. В конституционных законах, например, Сирии, Алжира, Ирака закрепляется особое положение ислама и мусульманского права. Последнее действует субсидиарно, распространяясь на отношения, не урегулированные законодательством. В некоторых странах сохраняются суды, применяющие нормы шариата. Но, возможно, более весомо то, что новое в праве соединяется с элементами старого, традиционного. Вот почему даже схожие с западноевропейскими тексты гражданских кодексов применяются арабскими юристами в соответствии с принципами и традициями мусульманского права.

С развитием торгового оборота, усложнением общественных отношений и мусульманское право подвергается преобразованиям, приспосабливается к меняющимся условиям. Роль представителей высшего духовенства и ученых-юристов во многом сходна с деятельностью римских юристов. Значительна в преобразовании мусульманского права и регламентирующая деятельность правителя. Формально (как и претор в Риме) он не имеет власти изменять либо отменять традиционные нормы, но его административная регламентация устанавливает фактически настоящие правовые нормы, что, однако, не считается противоречащим шариату. Отличие мусульманского права от римского состоит в том, что изменения в нем происходили и происходят замедленно, сохраняются многие традиционные нормы, что определяет его особую устойчивость.

Развитие и стабильность в России

Цивилизационный подход к пониманию стабильности и развития в истории требует учитывать и особенности России. В Новейшей истории соотношение стабильности и развития в стране было резко нарушено надломом. Духовный кризис, возникший с перестройкой, затронул интересы и устремления значительной части населения, стал подтачивать глубинные устои жизни, разрушать, сокращать жизнь. Преодоление болезненности предполагает осознание того, что ускоренное движение по пути прогресса многое дает, но и ведет к исчерпанию жизненной силы, ограничивает, ослабляет стабильность общественного устройства, да и подрывает основы развития. Так уж устроен мир: прибавляя, мы что-то теряем, поэтому во имя целого требуется в одном случае что-то отвергать, а в другом — соизмерять и согласовывать противоположности.

Однако допустимы ли преобразования в самой природе человека, народа? Здесь нельзя не отметить «успехи» СМИ по насаждению в нашем обществе идей и настроений вульгарного либерализма. Разрозненные акты терроризма — ничто в сравнении с духовным растлением народа. Высшее обладает огромной созидательной и притягательной силой, но оно же подавляет многообразие низшего, разрушает свое основание, приближая исход. Приходит осознание, что унификация с принижением своей личности в гонке за внешним успехом грозит истощением ресурса веры и наступлением депрессии. Необходимо проявлять равное внимание к сохранению данного природой и его развитию, руководствуясь не только внешними требованиями, но и внутренними побуждениями и возможностями.

То, что ранее укрепляло, со временем уступает место своей противоположности. Вот почему идея справедливости в СССР, став мощным двигателем прогресса, позже завела в тупик, а идея свободы в начале XXI в. подвела к глобальному финансово-экономическому кризису. Кстати, и в Китае, вставшем на путь интенсивного развития, ведущее противоречие отнюдь не снимается, его отрицательное следствие лишь отодвинуто в будущее.

Неопровержимо, что все люди на Земле не могут жить так богато, как, например, в США или Арабских Эмиратах, природа просто не выдержит такой нагрузки. Но по мере осознания, что так дальше нельзя, наступит постепенное изменение сложившегося. Преодолевая разлагающее, разрушающее влияние духовного кризиса и ограниченность «рациональных построений чистого разума», соглашаясь с указаниями веры или Высшего закона природы, своей индивидуальностью сроднившись с признанием нашего общего предназначения, можно продвигаться к духовному оздоровлению и возрождению, свободе и справедливости.

Развитие враждебно не стабильности, но топтанию на месте. Выражая свои симпатии развитию, нужно лишь определить, куда идти и как идти. Следует ли бежать, спотыкаясь, задыхаясь и падая, круша все на своем пути ради поставленной цели, или продвигаться вперед только размеренным шагом; к своему предназначению в смысле жизни или к Куршавелю, попутно скупая зарубежные спортивные клубы, замки, пасхальные яйца Фаберже или коллекции Ростроповича?

Так что же в самом деле составляет «достойную жизнь»; разве сто, двести и тысячу лет назад люди пребывали в недостойной себя жизни, а «действительная история человечества» началась с американской потребительской корзины? Необходимо, однако, подумать не только о собственном благополучии, но и о жизни своих детей, внуков, будущности своей страны. «...Дети людей должны родиться на земле, а не на мостовой. Должно жить потом на мостовой, но родиться и всходить нация... должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут» (Ф. М. Достоевский). Стягивание населения России в мегаполисы имеет еще и то последствие, что страна лишается потомков сибирских солдат, отстоявших столицу зимой 41-го. Речь идет об устранении (вольном

или невольном) тех слоев населения («кулаков» или крестьянства, рабочего класса), которые верностью долгу и главным жизненным ценностям, созидательным трудом способны противостоять разлагающему влиянию вульгарного рационализма с беспредельной свободой, стяжательством и преступностью.

Наблюдается маятниковый характер сменяемости стабильности, устойчивости и подвижности при чередовании у власти тори и виггов, консерваторов и либералов в (Англии). У нас качания «маятника истории» достигали крайних точек в реформах Петра I, в радикализме социалистических преобразований, в поздней советской государственности и «шоковой терапии» недавних 90-х гг. Все же вполне допустимо минимизировать их отрицательные следствия.

Проблема развития и стабильности наличествует у нас в господствующем либерализме. С одной стороны, он раскрепощает личность, раскрывая инициативу, предприимчивость, творчество; с другой — гасит жизненные импульсы в демографическом состоянии народа, ограничивает, а то и умаляет роль государства, например, в экономическом развитии народа. Какую же сторону данного противоречия мы выбираем: ту, что обращена к непосредственным интересам личности, или ту, которая способна мобилизовать общество для ответа на вызов времени в преодолении внутренних и внешних угроз? Современная жизнь, однако, не дает выбора, но заставляет принимать противоречие в целостности с его противоположностями.

Одна сфера определяется нравственным состоянием общества, науки, образования, художественной культурой и общим критерием состояния духа, рождаемостью и смертностью; другая — нефтегазодобычей или, например, состоянием машиностроения, сельского хозяйства, медицины, обеспеченностью населения лекарствами собственного производства. Становится очевидно, что общий показатель ВВП ограничен в характеристике состояния жизни. Лишь все составляющие вместе обуславливают успешность и самодостаточность общества либо его ущербность. Сегодня действует договор: «Мы вам — энергоносители, вы нам — продовольствие и медикаменты». Но может ли во всем этом государство быть лишь «ночным сторожем»?

Примером нравственности, регулирующей ролью, созданием военной силы, применением санкций государство и право способны не только активно способствовать всестороннему развитию общества, но и, подавляя преступные, эгоистические, сепаратистские тенденции, преодолевая внешние угрозы, вести к достижению стабильности — обязательного условия процветания жизни. Конечно, государство и право — это не единственные средства развития и стабильности. Те же цели реализуются религиями, обычаями и традициями, нормами нравственности.

Стабильное — в любви к Родине

Стабильное, прочное утверждается в любви к Родине. Решительно нельзя согласиться с мнением, что Родину можно любить, как в Америке, за то, чем она лучше других в успехах свободы. Такой рационалистический подход к любви противоречит естеству природы. Родину любят, как любят мать, не за какие-то ее достоинства, а за то, что она есть. Во время войны всем был известен плакат «Родина-мать зовет!» Любят Родину за то, что родился на ее земле, на ней встал на ноги и можешь реализовать себя для нее в движении к лучшему. Конечно, любовь к Родине может быть дополнена гордостью за ее достижения, но это лишь добавление к главному.

В осмыслении ценности истины и России, в установлении их иерархии можно задуматься над словами одного из литературных героев Ф. М. Достоевского: «Россия стоит выше истины. Если придется выбирать истину или Россию, я выберу Россию». Известно, что Достоевский доводил мысль до ее крайнего выражения, рядом стоял абсурд. Не есть ли приведенная фраза абсурд? Нет. Россия есть соединение ряда фундаментальных истин и ценностей жизни русского и каждого, кто считает себя сыном земли,

за которую ответствен. Россия соединяет ряд отдельных истин, в том числе превосходства свободы или справедливости.

Зов природы не могут заглушить призывы создать нового, «свободного человека» и построить общество на основах «чистого разума». Чрезмерная вера в рациональность, прогресс и безграничные возможности научного знания сменяется пониманием необходимости прислушиваться к голосу природы, закономерностям развития и стабильности и следовать им. Или мы будем, какие есть, в стремлении к своему предназначению и лучшему, или нас не будет.

¹ Алаев Л. Б. Темпы и ритмы индийской цивилизации. М., 1992. С. 126.

² Применительно к современным Востоку и Западу справедливо следующее высказывание: «Все, что еще не стало, а желает стать, богато и интересно; а все ставшее и устоявшееся – бедно и банально, ибо там, где природа устала и у нее нет желания менять форму, все разлагается изнутри».

³ «...Законы отменяются не только голосованием законодателя, но и молчаливым согласием всех путем неприменения».

⁴ Римское частное право. М., 1994. С. 10. Схожий характер преобразований наблюдался в англосаксонском праве.